

LITERATURE AND CULTURE: HISTORIC AND CONTEMPORARY

DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10071

УДК (UDC) 37.015.31
Vassili Bouilov,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

***For citation: Bouilov Vassili, (2020).
Novoyaz as Quasi-language of Political Dogma in its
Proclamation of New Ideal Society.
Cross-Cultural Studies: Education and Science
Vol.5, Issue 2 (2020), pp. 6-20 (in USA)***

***Manuscript received: 20/05/2020
Accepted for publication: 15/06/2020***

***The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0***

**НОВОЯЗ КАК КВАЗИЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОГМЫ
ДЛЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НОВОГО ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

**NOVOYAZ AS QUASI-LANGUAGE OF POLITICAL DOGMA
IN ITS PROCLAMATION OF NEW IDEAL SOCIETY**

Abstract:

The Soviet era, as a dramatic process of creation and implementation of a social Utopia, is notable for the birth of a new, transformed, "Soviet language" modified in comparison with the Russian literary language and called "Novoyaz". Its main task was to represent and defend the prevailing political dogma. This "quasi-language of Utopia" was used in a certain social and speech sphere as an annex to the national language created by a politically dominant social group. This is a language of declarations and prescriptions, slogans and propaganda posters - a convenient language for the proclamation of a New Ideal Society.

Keywords: Novoyaz, Russian national linguistic diglossia, a quasi-language of utopia, ideological clichés, theory of social and linguistic Habitus, monoconsciousness as a form of thinking, monosystem as a system that proclaims its unique singularity, totalitarian ideology, collective idiostyle, collective memory, impulses of collective unconscious.

Новый язык советской эпохи **Новояз** был создан с исключительной целью употребления в определенном политическом и идеологическом социуме и имел особый узус распространения с использованием ограниченного набора коммуникативных и идеологических клише. Этот «**квазиязык утопии**», с определенными оговорками, может рассматриваться как один из двух составляющих элементов национальной языковой **диглоссии**, как некая вторичная семиотическая система и пристройка к национальному языку. Вопрос о возможности подобного соотношения между диглоссией и Новоязом так или иначе рассматривался в публикациях и выступлениях Геллера [Geller 1980], Кронгауза [Krongauz 1994], Буйлова [Bouilov 1994, 1996: 229, 1997a: 30, 2008a: 8, 2008b: 96]. Этот язык, по словам Геллера, «поощряется государством, формируется государством», в основе существования которого лежит «декларативная утопичность», т.е. заявление о намерении строить «идеальное общество» [Geller 1982: 273]. Основные черты этого языка как языка революционной эпохи были еще в 20-е годы описаны А.М. Селищевым [Selishchev 1968: 141-147]. Мы считаем обоснованным условное использование нами в данном контексте термина «диглоссия». В своем основном словарном значении термин «диглоссия» служит для обозначения сосуществования в обществе или на определенной территории двух языков или двух форм одного языка:

«Диглоссия (от греч. δι- – дважды и γλῶσσα – язык) — одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. В отличие от билингвизма и многоязычия «диглоссия» как социолингвистический феномен предполагает обязательную сознательную оценку говорящими своих идиомов по шкале «высокий — низкий» («торжественный — обыденный»). Компонентами «диглоссии» могут быть разные языки (например, французский и русский в дворянском обществе России 18 в.), разные формы существования одного языка (литературный язык — диалект; например, классический арабский язык и местные арабские диалекты в странах Магриба), разные стили языка (например, книжный – разговорный в теории трёх «штилей» М. В. Ломоносова) <...> [цит. по: диглоссия; LES 2016]

В рассматриваемом нами советском контексте проявление билингвизма выражается именно в использовании двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. Официально декларируемый и волюнтаристски вводимый в употребление Новояз провозглашается языком власти, в то время как русский литературный язык, главный составляющий элемент национальной языковой диглоссии, отвергается как язык буржуазии и интеллигенции, становится предметом насмешек и гонений [Bouilov 1996]. Даже представители старой интеллигенции вынуждены говорить на новом деформированном языке эпохи, старательно запоминая и усваивая наделяющий их правами революционный жаргон, покоряясь силовой логике обеспечивающего «билет в будущее» языкового и мыслительного абсурда. Давая характеристику языку этой политической системы, М. Геллер говорит о «различных формах языка утопии: словах – пропусках на высшую ступень иерархической пирамиды» [Geller 1982: 275].

Мы считаем обоснованным условное использование нами в данном контексте термина

«диглоссия». В своем основном словарном значении термин «диглоссия» служит для обозначения сосуществования в обществе или на определенной территории двух языков или двух форм одного языка. Французский социолог П. Бурдьё подчеркивает социальную природу языковой диглоссии. Языковую концепцию Бурдьё следует рассматривать через выведенную им общую **теорию габитуса**. «Габитус – целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер. <...> Габитус структурирует новый опыт, который, в свою очередь, трансформирует исходные ментальные структуры. Таким образом, габитус зависит от социальной траектории индивида.» [цит. по: габитус; Baturchik 2016: 1]. Д.В. Телегин в статье «Лингвистический капитал как способ реализации символической власти: П. Бурдьё» так определяет концепцию Бурдьё, разбирающую и систематизирующую с точки зрения социологии основы взаимоотношений между языком, властью и обществом:

«<...> Те, чей лингвистический габитус обусловлен принадлежностью к высшим в социальной иерархии группам, с гораздо большей легкостью способны реагировать на требования формальных и официальных контекстов, что позволяет им добиваться большего социального успеха по сравнению с обладателями меньшего количества «лингвистического капитала». Это иллюстрирует общий феномен, характеризующий П. Бурдьё как «символическая власть», или даже иногда – как «символическое насилие». <...> Чаще всего, она передается в символической форме и, тем самым, завуалирована покровом «легитимности». Примерами подобных механизмов являются система образования, лингвистическое образование, а также языковая политика, как официальная, так и имплицитная. <...> Власть или насилие оказываются «встроенными» в сами институты.» [Telegin 2007: 1-2]

Утопия настойчиво и не без успеха занималась собственным мифотворчеством, стараясь заменить вечную идею Бога своей собственной коммунистической религией. Священными становились не только имена «вождей», но и ключевые слова-символы и слова-лозунги того времени: *партия, революция, коммунизм, социализм, большевик, советская власть, советы, Советский Союз, Социалистическая Родина, Октябрь, Парижская коммуна, коммунист, пролетариат, свобода, диктатура пролетариата, вождь пролетариата, классовый подход, коллективизация, индустриализация, социалистическое соревнование, субботник, воскресник* и т.п.

Такие общечеловеческие и философские категории, как *сознание, родина, война, смерть, любовь, народ, отец, искусство, культура, труд, справедливость, опыт, верность, правосудие, враг, дружба, солидарность, власть* выступали, как правило, в составе определенных идейно ярко окрашенных и канонически устойчивых словосочетаний новой революционной формации: *классовое сознание, социалистическая родина, война буржуазии, смерть империализму, любовь к вождю, любовь к партии, отец народов, пролетарское искусство, социалистическая культура, социалистический труд, революционная идея, социальная справедливость, социалистическое правосудие, передовой опыт, империалистический враг, классовый враг, враг народа, интернациональная дружба,*

советская власть, народная власть, классовая солидарность и т.п.

Возможность легкой воспроизводимости как самих штампов, так и новообразований по аналогии с существующими моделями способствовало быстрому распространению и закреплению в речи рядовых граждан характерных для языка утопии клишированных конструкций. Выдержанные в строго идеологическом духе высказывания больших и малых советских вождей имели трафаретно-лозунговый характер, отличались императивностью, и на фоне резкого ужесточения классовой борьбы в середине 20-х–начале 30-х рассматривались как прямое руководство, предписание к действию. А.К. Булыгин предлагает обратить особое внимание на два введенных в научный оборот Б. Расселом [Russel 1999: 15] принципиальных понятия «**моносознание**» и «**моносистема**»:

«Моносознание – форма мышления, т. е. сознания (движения знания), основывающаяся на принципе единственности, принятом или навязываемом априорно как единственном из возможных принципов. <...> Моносистема – есть любой орган, организация, структура, представляющая одно или основывающиеся на одном начале, одном принципе, и провозглашающая либо уникальность, единственность своего основоположения, либо единственность своей цели, либо единственность себя. В любом случае и система, и ее деятельность, и цели, и мотивы сводятся в одно – в то, что является единственным истинным либо в результате божественного откровения, либо по логике истории, либо по требованию нации, класса, и т. п. <...> Нельзя не заметить, что логика моносистемы, какое бы внешнее выражение она ни принимала, неизбежно приводит ее к попытке утвердить именно себя как единственно истинную, при этом, соответственно, подавить (в самых разных формах) всех прочих претендентов на владение Истиной. <...> [Bulygin 2002: 14-16]

Перформативы активно вторгаются в жизнь, становятся необсуждаемыми реалиями советской действительности: заявления, присвоения званий, присвоение названий разным объектам, объявления о различных действиях и мероприятиях, провозглашение государственных объектов, организаций и административно-территориальных субъектов, клятвы и присяги, административные и военные приказы. В речь и коммуникацию активно включены акты побуждения (директивы, прескрипции), акты принятия обязательств (комиссивы), акты-установления (декларации, вердиктивы, оперативы). Личное, индивидуальное подменяется безликим, казенным, обобществленным. В 1951 году немецко-американский философ Х. Арндт публикует свой труд «Происхождение тоталитаризма» [Arendt 1996]. В статье электронного портала studme.org «Тоталитарная идеология», размещенной в разделе «Политология. История правовых и политических учений», подходы этой исследовательницы к теме тоталитаризма и к самой **тоталитарной идеологии** в целом определяются таким образом:

«Основой тоталитаризма она считала идеологию. Отправной точкой этой идеологии является декларация некой высшей цели, во имя которой режим призывает общество расстаться со всеми политическими, правовыми и общественными традициями. Тоталитарные идеологии отрицают прошлое и настоящее во имя

великого и светлого будущего. Они постулируют необходимость и осуществимость тотального переустройства общества, объявляют своей целью создание «нового общества» и «нового человека». Естественно, любое инакомыслие подавляется.» [Arendt 1996: цит. по studme.org 2020]

Составителями studme.org в этой же статье портала «Происхождение тоталитаризма» отмечено, что существенным вкладом в развитие теории тоталитаризма стала работа американских ученых К. Фридриха и З. Бжезинского *Totalitarian dictatorship and autocracy/ «Тоталитарная диктатура и автократия»* [1965]. На основе изучения мировых тоталитарных режимов авторы этой статьи выделили в качестве основных признаков тоталитаризма следующее [Friedrich, Brzezinski 1965; цит. по studme.org 2020]:

- - монополизация власти. Власть оказывается в руках одной партии, а сама партия под властью одного лидера;
- - официально господствующая в обществе идеология. Отсутствие плюрализма в средствах массовой информации;
- - массовое насилие как средство внутренней политики;
- - уничтожение независимых от государства общественной жизни, гражданского общества. [Friedrich, Brzezinski 1965; цит. по studme.org 2020]

Политически и социально детерминированный «квазиязык утопии» начинает играть роль своеобразного лексически и стилистически маркированного сигнала, отделяющего классово «своего» от «чужого», роль речевого «пароля», «пропуска», «мандата», обеспечивающего проход в строго ограниченную зону классово-идеологической коммуникации. Жизнь полностью регламентируется, все в обществе подчинено партийной и бюрократической субординации. Перформативы приобретают ритуальное значение. Выбор разговорно-экспрессивных средств при их стилистической неоднородности определяется тем, насколько они могут освещать политически и идеологически значимые темы. Для теоретического обоснования этих положений процитируем опять выдержки из материалов по изучению теории габитуса П. Бурдьё:

«<...> габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Habitus, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики – опять историю – в соответствии со схемами, порождаемыми историей. <...> Будучи продуктом некоторого типа объективной регулярности, habitus склонен породить «резонные», «общепринятые» манеры поведения (и только их), которые возможны в пределах такой регулярности и которые с наибольшей вероятностью будут положительно санкционированы, поскольку они объективно приспособлены к логике, характерной для определенного поля деятельности, объективное будущее которого они предвосхищают. <...> [Shirshova 2004: 1.2.]¹

¹ Здесь нами дается номер раздела 1.2., поскольку Интернет-публикация представлена без указания страниц, но с электронным подразделением на главы, разделы и подразделы.

Изменения в языке нашли свое всестороннее отражение и в новой советской литературе, которая без долгих промедлений была пропущена через мясорубку «нормализования» соцреализмом. «Нормализованный» – выражение выдающегося писателя-антиутописта Андрея Платонова, уже в 1920 году использованное им в своей статье «Нормализованный работник» [Platonov 1920]. Зарождающаяся советская литература, став объектом пристального идеологического внимания, по замыслу советских вождей должна была превратиться в важнейший субъект и инструмент классовой борьбы и политического влияния на массы.

Подобное положение «на острие» идеологической борьбы противостояния, а также обязывающий ко многому статус литературы «социалистического реализма» на десятки лет вперед предопределяли характер этой литературы не только в плане содержания, но и в плане языкового выражения. Здесь можно говорить о политически императивном включении в литературное творчество элементов **коллективного идиостиля** той эпохи, которая именно благодаря этому знаменовалась расцветом и безальтернативной гегемонией соцреализма во всех сферах культуры и искусства. По словам П. Кислинга, в литературной ситуации, когда узкоклассовый подход вытеснял все общечеловеческое, в отношении власти к литературному творчеству господствовали догмы [Kisling 1990: 372]. Коллективный идиостиль эпохи обобщает в себе лингвотипологическую модель художественного текста своего времени, закрепляя эту модель в инварианте художественного текста данной эпохи. Согласно терминологической трактовке Е.Г. Фоменко:

«Коллективный идиостиль эпохи – исторически сложившаяся лингвотипологическая модель художественного текста, извлеченная из идиостилей однохронных писателей, философия художественной дискурсивной деятельности, историческое звено в эволюции литературного языка, концептосфера языка художественной литературы, семиосфера художественного дискурса своего времени». [Fomenko 2006: 1.1.4.]²

Идеологические клише как устойчивые, удобные и готовые для употребления речевые стереотипы, не требующие мыслительной работы, в тоталитарном государстве являются главным средством агитационно-массовой коммуникации, мощным средством «промывания мозгов». Устоявшиеся идеологические клише, по форме и содержанию и по своей митинговой агрессивной избыточности часто доходящие до полного абсурда как расхожие образцы клишированной речи идеологии и пропаганды, допускающие частую нестыковку фактов жизни и деклараций и отличающиеся очевидной надуманностью, фальшивостью и заштампованностью. Новояз выступает в определенной социальной сфере общественно-речевой практики и аккумулирует в себе различные типы общественного сознания, социальных отношений. Он включает в себя различные элементы языка пропаганды с характерным для него смещением различных стилевых пластов, в том числе слова канцелярско-бюрократического стиля, технической терминологию, военную лексику.

² Здесь нами дается номер подраздела 1.1.4., поскольку Интернет-публикация представлена без указания страниц, но с электронным подразделением на главы, разделы и подразделы.

Активно используя в своей идеологической пропаганде **военную лексику**, новое тоталитарное государство декларативно, в командно-приказном порядке провозглашает себя идеальным и ставит Утопию на поток. Упор делается на императивно-приказном дискурсе по-военному выстроенной и непререкаемой речи циркуляров, предписаний и тоталитарной пропаганды. Это новое общество организовано по принципу строгой армейской иерархии и имеет по-военному выверенную вертикаль власти и структуру необсуждаемого выполнения приказов и подчинения Генсеку партии, являющемуся также Генералиссимусом и Верховным Главнокомандующим.

Партия как пирамида власти и мощная административная полувоенная структура как форма государственного управления. Не случайно многие партийные лидеры и, собственно, сам Сталин, предпочитают не только в официальной обстановке, но и в гражданской жизни носить кители, френчи, мундиры со знаками воинского отличия и даже португепи с боевым оружием. А основной свод партийных правил по-военному именуется «Устав Партии».

Р. Лехикойнен [Пюкко] говорит об использовании с 20-х годов «военного термина *штаб* как названия высшего руководящего органа вообще [*штаб* мировой революции, *штаб* старой большевистской гвардии] и термина *штурм* для обозначения решительных, активных действий для достижения чего-нибудь [*штурм* общества, *штурм* капиталистического мира, *штурм* трудностей, *штурм* хозяйственных высот] <...>» [Lehikoinen 1990: 149-150].

Слова военной лексики употребляются повсеместно: максимально продуктивно используются слова ***строй, мобилизация, мобилизовать, фронт, штурм, плен*** в качестве основных лексических компонентов устойчивых словосочетаний, **построенных по подобию** советских пропагандистских клише. Характерным является использование существительного ***авангард*** для номинации представителей коммунистической партии разного ранга и советского хозяйственно-административного актива. Лехикойнен так объясняет эту тенденцию, связанную с быстрым распространением употребления слова ***авангард*** в советское время:

*«Заимствованный из французского языка военный термин **авангард** с начала XX века используется для обозначения передовой части какой-либо общественной группы, класса: **авангард** народов, **авангард** пролетариата, **авангард** рабочего класса, **авангард** тружеников <...> Военный термин авангард может входить и в состав конструкций, где он по своему значению приближается к наречию «вперед»». [курсив автора выделен жирным шрифтом нами – В.Б.] [там же: 146]*

Показательной для языка революционной эпохи является эволюция участвующего в конструкции ***на фронт социалистического строительства*** военного термина ***фронт***. Лехикойнен так определяет семантические преобразования, которым в советскую эпоху было подвергнуто слово ***фронт***, также заимствованное из французского языка:

«Способность обозначать местность активных действий войск привела к тому, что слово стало обозначать область, сферу государственной или общественной

деятельности, где происходит энергичная работа: культурный фронт, посевной фронт, угольный фронт, фронт труда, фронт социалистического строительства <...>» [курсив автора выделен жирным шрифтом нами – В.Б.] [там же: 149]

Неопределенно-личные, безличные и пассивные конструкции также повсеместно выступают в предложениях пропагандистско-агитационного стиля, становясь в них эмоционально-смысловыми центрами. Применение безличных конструкций в устной политической риторике и в разного рода бюрократической документации придают им императивно-приказное звучание, и в случае с документами служат отражению на бумаге всей обезличенности и зарегламентированности системы власти, ее принудительно-приказного характера и всесилы ее над простыми людьми. Для этого в устной и письменной речи используются неопределенно-личные, безличные и пассивные конструкции. Личностей нет или их просто не видно, а есть кто-то *там*, «*наверху*», для простых масс труднодоступный и «*снизу*» неразличимый, которые бесправно существуют и выживают «*здесь*», «*внизу*».

В устной и письменной идеологической речи, напротив, широко используется **метонимическое олицетворение**, придавая безличным в основе своей советским административно-политическим органам характер сознательно действующей казенной силы. В качестве «действующих лиц» подобных выступлений выступают наделенные эмоциями, классово чувствующие, рассуждающие и по поводу чего-то переживающие организации, инстанции и учреждения. Примерами такого олицетворения могут служить слова «Партия», «партком», «государство», различные «наркоматы» и т.д.

Клишированная речь командно-административной системы [Bouilov 1997b] повсеместно строится с помощью концентрированного использования лексических штампов и синтаксических оборотов с управлением, присущим канцелярско-деловому, бюрократическому стилю. Синтаксические конструкции и входящие в них развернутые падежные цепочки, выстроенные в определенной последовательности, являются традиционными средствами «силовой» языковой регламентации командно-административного стиля:

«рапорт об исполнении мероприятия по коллективизации»: рапорт об + пред. пад. + род пад. + по + дат. пад.; [Platonov 1988: 71]

Сталкивание в рамках одного предложения слов разных стилей, неуместное употребление общественно-политических терминов, канцеляризм вне рамок официально-делового стиля ставит своей целью достижение особой эмоционально-экспрессивной окраски. Для усиления приподнятости подобной фразеологии образование некоторых идеологических штампов советского времени происходит при использовании **церковной лексики**. Вклинивание церковных слов в пропагандистскую риторiku, в которой присутствуют слова и фразы других стилей, создает эффект особого пафоса, столь характерного для языка утопии. Такие слова могут являться в предложениях смешанного стиля эмоционально-смысловыми центрами, казуистически «обогащая» форму и

содержание традиционных атеистических лозунгов и призывов и придавая их звучанию особый, «священный» смысл. Упоминание о таком использовании церковной лексики можно найти еще в работах А.М. Селищева [Selishchev 1968: 141-147].

Подобное смешение в одном речевом потоке слов церковной лексики (например, *ангелы, апостолы революции, священный..., благословить..., храм правосудия, должен покаяться в своей принадлежности к троцкистам, второе пришествие в политику, политическая исповедь*) со словами канцелярского и газетно-публицистического стилей (подчеркиваем, в приложении не к нашему времени, а к той демонстративно безбожной эпохе) могло вызвать коннотацию трескучей пафосности и высокопарности, присущих фразеологии партийной номенклатуры, которая обычно произносила этот набор слов в своем бездуховно-атеистическом понимании.

Исходя из всего этого, мы можем видеть, что политически ориентированная речь, являясь продуктом деятельности социальной среды, играет не только социальную и коммуникативную роль, но и несет в себе такую эмоционально-экспрессивную функцию, при которой ее идеологическое наполнение становится главной целью. Многие образные формы выражения экспрессии и эмоциональности, отвечающие политической конъюнктуре тех дней и многократно востребованные в целях пропаганды, но так и не обретя статуса речевого стандарта в его положительной функции, во многих случаях начинают выступать в роли образных штампов, быстро превращаются в речевые шаблоны, присущие языку породившей их эпохи. Вместе с их частым употреблением унифицируется и механизм их возникновения, что, в свою очередь, приводит «не только к легкой воспроизводимости приема, но и к буквальной повторяемости стилистического средства (или его элемента)» [Vinokur 1980: 149]. Селищев так пишет о выразительности языка революционной эпохи:

«Стремление к повышенной эмоциональности в речи свойственно всем революционным деятелям <...> У деятелей, не располагающих ни силой выразительной речи, ни глубиной понимания переживаемых событий, стремление к эмоциональности в речи выражается в искусственных формах, не вполне и не всегда соответствующих содержанию переживаемого момента». [Selishchev 1968: 141-142]

Во многих случаях Новояз представляет из себя типичную для официозной риторики административно-партийной элиты плохо совместимую смесь эпатажной агитационной фразы, газетных стереотипов, пафосных понятий и представлений, даже церковной лексики. Письменная официально-бюрократическая речь пестрит неграмотно сформулированными перформативами, косноязычными административными приказами, иезуитски излагаемыми предписаниями и объявлениями политических кампаний и чисток, а также дилетантски составленными комиссиями, актами побуждения, актами установления, а именно различными эпатажно-размашистыми декларациями и бесчисленными лишенными здравого смысла циркулярами и директивами.

По словам Геллера, создавая и пытаясь воплотить в жизнь утопию, «человек разрушает

язык» [Geller 1982: 278]. Это приводит не только его употребляющих, но и его создающих к частичному или полному обезличиванию. Их язык отличается бедностью, отсутствием различия между речью письменной и устной, изменением ценности слов и их частотности. Они не способны думать самостоятельно, не умеют говорить связно и не могут выражать себя в речи. Можно высказать мысль, а можно сказать фразу. Но можно уже и мысли иметь в форме единожды заготовленных фраз. Об опасности необратимых изменений в человеческой мыслительной природе, как, впрочем, и о других последствиях тоталитарной перделки общества, еще в XIX-м веке предупреждает М.Е. Салтыков-Щедрин, гротескно наградив одного из своих сатирических персонажей органчиком, заменяющим мозги. Геллер, говоря о языке той эпохи, характеризует его следующим образом:

«Глава парижской школы фрейдистов Жак Лакан пришел к выводу, что человек сначала говорит, а потом думает. <...> они думают определенным образом потому, что говорят определенным образом. И говорят, и думают они по-особенному... Язык утопии становится инструментом коммуникации и орудием формирования жителя идеального общества.» [там же: 272]

Подобная санкционированная сверху канонизация форм речевого поведения постепенно приводит к унификации моделей мышления. Активное использование клишированной речи идеологии имеет своей целью развитие подобного же трафаретного мышления, которое, по замыслу идеологов, должно стать главным способом восприятия окружающей действительности. В долговременной перспективе такая унификация направлена на последовательное зомбирование народных масс. Безоговорочное подчинение воле партии и её руководителей предписывает регламентированный образ мышления, соответствующие поведение и мировосприятие. Целью подобной селекции является формирование пригодной для манипулирования человеческой массы, готовой ради провозглашенной сверху мифической и ложной идеи пойти на самопожертвования и лишения, пассивной и боготворящей своих вождей-мучителей. В современной терминологии и действительности ассоциативно это сопоставимо со «стокгольмским синдромом», то есть с поддержкой и оправданием заложниками своих захватчиков-мучителей. И.С. Скоропанова так оценивает подобное проявление **«импульсов коллективного бессознательного»** (Carl Jung):

«Шизоанализ – стратегия, направленная на выявление импульсов коллективного бессознательного и предполагающая использование т. наз. «шизофренического» языка – неартикулируемого языка «желания». [Skoropanova 2002: 55]

При новом советском языковом мышлении сложный процесс порождения речи, то есть процесс последовательной реализации семантических, грамматических и прагматических правил, в коллективной речевой коммуникации сводится к механически организованной подстановке готовых семантизированных образов-клише. При этом речевая деятельность сводится к функционально-синтаксической организации языковых элементов лишь в рамках отдельного высказывания, исключая обычные для речи ориентировку, программирование и реализацию целостного текста и составляющих его содержательных блоков.

Этот квазиязык утопии носит лозунговый, плакатный, декларативный характер. Главным принципом и признаком языка советской эпохи становятся двоемыслие, двойные стандарты. При помощи клишированного языка любые явления действительности интерпретируются в контрастных черно-белых тонах и в рамках устоявшихся политических штампов. Представители советской номенклатуры, силой навязав народу такой языковой и мыслительный режим, построенный на общей клишированности сознания, сами прекрасно к нему приспособились. Истинная и тоталитарная суть подобного декларативно-утопического общества и его языковой политики совершенно очевидна и состоит в том, что «одни должны думать, другие – работать. Одни должны сочинять слова, другие – их заучивать» [Geller 1982: 276]. Многие из представителей советской номенклатуры начинают «по-своему понимать» социалистическую идею. Сплоченные особым корпоративным духом и связанные в силу своей коррумпированности прочной круговой порукой, они, как и ежеминутно агитируемая ими пролетарская «масса», также превращаются в безликую силу, в однородную массу представителей партийно-бюрократического аппарата. Н. Иванова так описывает эту новую психологию:

«<...> видно, как к сытному котлу пробиваются демагоги и бюрократы, советские чиновники, обладатели пайков и привилегий.» [Ivanova 1988: 160]

В основание подобной «бытовой» разновидности советского бюрократизма, как и в целом «философии бюрократизма», заложена «приватизированная» социалистическая идея, в трансформированном виде воплощенная в тоталитарном государстве. Именно это государство, раздавившее своим кровавым монолитом ростки утопического революционно-романтического идеализма, становится гимном административно-политической бюрократии.

Важнейшей особенностью идеологизированной речи является ее устный, публичный характер и такая ее коммуникативная направленность, при которой отношения адресанта и адресата сводятся к одностороннему воздействию адресанта речи на ее адресата при коллективном, массовом характере адресата. Преобладание в ней функции однонаправленного воздействия определяет ее монологический характер при лишь видимой, чисто внешней диалогичности коммуникативных ситуаций. Будучи спонтанной, она строится на использовании ограниченного набора коммуникативных и идеологических клише, использование которых позволяет власти целенаправленно манипулировать сознанием рядовых носителей этой речи с целью регулирования и ограничения их участия в активном мыслительном процессе и, соответственно, в процессе принятия любых самостоятельных решений.

Заставить людей мыслить требуемыми плакатными категориями, научить их проговаривать уже запрограммированные идеологами заштампованные речевые конструкции на всякий случай жизни, не оставляя в голове места ни для чего другого – таким выглядит идеал «сталинско-большевистской генной инженерии». Создать генотип человеческого сознания, не отягощенного никакими размышлениями, слепо увлеченного идеей всеобщей

утопии. При этом скованного страхом, постоянно пребывающего в нравственной и интеллектуальной дреме, действующего по указке сверху и в соответствии с навязываемой сверху морали.

Одним из проявлений подобной идеологической практики является факт деятельности в СССР репрессивно-контролирующих органов и инстанций, осуществлявших жесткий политический надзор за средствами массовой информации, сферой образования, наукой, литературой, кинематографом, культурой и всеми сферами жизни в целом. Обладая безграничной властью, данные органы и инстанции стояли над обществом и подвергали строгой проверке учреждения, организации и отдельных граждан на предмет соответствия речевого поведения и смыслового содержания любой практикуемой устной и письменной коммуникации нормам советской идеологии.

Можно говорить о присутствии и активизации некоторых общих признаков «языка утопии», которые приобретает любой язык в условиях возникновения и существования в какой-либо стране тоталитарной системы. Со времени, когда Селищев проводил свои исследования языка революционной эпохи [Selishchev 1968], история познала взлет и падение Третьего рейха, образование бесчисленного количества тоталитарных государств и режимов, некоторые из которых существуют и поныне, разоблачение и осуждение сталинизма, ностальгия по которому и в наше время все еще нередко прорывается наружу. То есть даже в наше постсоветское время в некоторых политических и социальных кругах можно наблюдать аналогичную «перевернутость» не только на уровне их словесной риторики, но и «перевернутость» на уровне здравого смысла, построенную на сознательной активизации политических речевых и мыслительных штампов, а именно – «перевернутость» сознания.

Активисты, политические агенты-распространители образных клишированных речевых средств духовной идеализации новой однопартийной системы управления имели счастливую возможность работать под идеологическую копирку, повсеместно используя интенсивно наработанные шаблоны идейного вдохновения масс. Этому прямо и косвенно способствовали и потрясающий массы своими яркими постановками и до поры не разогнанный авангардный театр, и вдохновенно творящий и пока не стреноженный, и не отправленный на полки новый экспериментальный советский кинематограф, и новая утверждающая идеал пролетарская литература, пока не уложенная в прокрустово ложе соцреализма. Идеал проповедовали, к идеалу звали и многокрасочные, кричащие своим революционным слогом витрины Окон РОСТА, и сам советский Новояз.

Формирование новой **коллективной памяти** социума осуществлялось посредством мифологизации «светлой коммунистической идеи», через создание собственной социалистической эстетики. Указывался путь, который не всем будет суждено пройти, но который все сразу могли увидеть в привлекательных утопических символах, рождаемых идеями революции. Государство целенаправленно занимается формированием Новояза как средства коммуникации между гражданами, стоящими на разных ступенях политико-социальной иерархии. При этом присущее Новоязу намеренное и конвенционально и

стилистически неоправданное смешении слов разных стилей уже на уровне языка свидетельствует о нестыковке декларируемых революционно-романтических лозунгов и казенно-бюрократической природы доведенного до абсурда тоталитарного общества, нужды которого обслуживает язык Утопии.

Новояз как клишированный язык идеологии, его плакатно-образная реализация в любых формах классовой пропаганды в стране, выбравшей своей утопической целью построение идеального общества, несет функцию своеобразной политической рекламы утопических идеалов, впечатляющих своей грандиозностью, рекламы счастливого коммунистического общества со своим собственным «Городом Солнца», рекламы материально почти осязаемой, псевдоосуществимой социальной Мечты. Принцип прикладного употребления коммунистической идеи рождает свои политические «маркетинговые стратегии» и механизмы ее презентации, ее идеологической «подачи в народ» и ее мифологизации. В этой идеологической рекламе предлагается не материальный продукт, а пафосно «дарится» сама Мечта. Одним из ключевых инструментов такой политической маркетинговой подачи и является Новояз.

References:

1. Arendt Kh. (1996). *Istoki totalitarizma*. Per. s angl. Borisovoi I. V. i dr.; poslesl. Davydova Yu. N.; pod red. Kovalevoi M. S., Nosova D. M. Moskva: TsentrKom.
2. Baturchik M.V. (2016). *Ehntsiklopedicheskie stat'i, svyazannye s tvorchestvom P'era Burd'e: Gabitus. Ehntsiklopediya sotsiologii. Sotsiologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e*. URL 04.06.2016: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklope-dija-sociologii>.
3. Bouilov V.V. (1994). *Idiostil' Andreya Platonova kak sposob vyrazheniya sistemy avtorskikh obrazov-ponyatii v ego prozaicheskikh proizvedeniyakh. Doklad. Vinogradovskie chteniya. Yuvyaskyul'skii universitet, Otdelenie russkogo yazyka*, 20-21.04.1994.
4. Bouilov V.V. (1997a). *Andrei Platonov i yazyk ego ehpokhi. Razdel XX vek. Moskva: Russkaya slovesnost', №3, mai-iyun', 1997*, 30-35.
5. Bouilov V.V. (1997b). *Klishirovannaya rech' ideologii v kontekste prozy Andrey Platonova (na materiale povesti Kotlovan)*. *Slavic Almanach. The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies*, V. 4, Numbers 5-6. Pretoria: University of South Africa. 90-111.
6. Bouilov V.V. (2008a). *Vassili Bouilov's Report: "The Semiotics and Language of the Totalitarian System in the Context of Andrei Platonov's Prose"*. BASEES: The British Association for Slavonic and East European Studies. BASEES Conference 29-31 March 2008. Fitzwilliam College, Cambridge.
7. Bouilov V.V. (2008b). *Bouilov V. The semiotics and the language of the totalitarian system in the context of Andrei Platonov's prose. International Scientific Conference Communication as Translatio. Nordic-Baltic-Russian cultural dialogues. Editor-in-chief: Maija Burima. Daugavpils University. Institute of Comparative Cultural studies. Daugavpils, Latvia: Academic Press «Saule», 96-108.*

8. Bulygin A.K. (2002). «Kotlovan» Andrey Platonova Problematika i poehtika (Zhanrovo-kompozitsionnoe svoeobrazie i mifopoehticheskiy aspekt). Institut russkoi literatury RAN (Pushkinskii Dom) Dissert. na soiskanie uchen. step. kand. filol. nauk, Sankt-Peterburg. 2002. URL 14.03.2017: <http://cheloveknauka.com/kotlovan-andreya-platonova-problematika-i-poehtika>.
9. Vinokur T.G. (1980). Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinit. Moskva: Nauka.
10. Geller M.Ya. (1980). Russkii yazyk i sovetskii yazyk. Parizh: Russkaya mysl', 8 maya, 1980.
11. Geller M.Ya. (1982). Andrei Platonov v poiskakh schast'ya. Paris: Ymca-Press.
12. Ivanova N. (1988). Tret'e rozhdenie. Posleslovie k publikatsii romana «Chevengur». Druzhba narodov, № 4, 157-160.
13. Kisling P. (1990). «Filosofii eretikov»: Satiricheskie kontseptsii v sovetskoi literature 20-kh godov. – Zeitschrift für Slavistik. Berlin: Verlag. 1990, Band 35, Helf 3, 366-373.
14. Krongauz M.A. (1994). Bessilie yazyka v ehpokhu zrelogo sotsializma. Znak: Sbornik statei po lingvistike, semiotike i poehtike. Moskva: Russkii uchebnyi tsentr, 233-244.
15. Lehtikoinen R. (1990). Slovar' revolyutsii – revolyutsiya v slovare? Abbreviatory i inoyazychnaya leksika v russkom yazyke pervogo poslerevoljutsionnogo desyatiletija. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, N:o 32.
16. LES (2016). Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar'. Slovarnaya stat'ya «Diglossiya». URL 27.03.2016: <http://tapemark.narod.ru/les/136c.html>.
17. Platonov A.P. (1920). Normalizovannyi rabotnik. «Voronezhskaya kommuna», 1920, 29 dekabrya.
18. Platonov A.P. (1988). Kotlovan. Moskva: Knizhnaya palata.
19. Russel B. (1999). Iskusstvo myslit'. Moskva: Dom intellektual'noi knigi.
20. Selishchev A.M. (1968). Revolyutsiya i yazyk. Vyrizitel'nost' i obraznost' yazyka revolyutsionnoi ehpokhi. Izbrannye trudy. Moskva: Prosveshchenie, 141-158.
21. Skoropanova I.S. (2002). Russkaya postmodernistskaya literatura. Moskva: Flinta.
- studme.org (2020). Ehlektronnyi portal «Politologiya». Istoriya pravovykh i politicheskikh uchenii. Totalitarnaya ideologiya. URL 05.04.2020: https://studme.org/310550/politologiya/totalitarnaya_ideologiya.
22. Telegin D.V. (2007). Lingvisticheskii kapital kak sposob realizatsii simvolicheskoi vlasti. Reims (Frantsiya): universitet g. Reimsa (Frantsiya). 2007. URL 27.05.2016: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm.
23. Fomenko E.G. (2014). «Lingvotipologicheskoe v idiostile Dzheimsa Dzhoisa». 2006: 1.1.4. Yazyk kollektivnogo idiostilya ehpokhi. URL 27.05.2014: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joysa5.htm>.
24. Friedrich C., Brzezinski Zb. (1965). Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard university press, xiii./ Fridrikh K., Bzhezinskii Zb. (1965). Totalitarnaya diktatura I avtokratiya. Cambridge (Mass.): Harvard university press, xiii.
25. Shirshova I. (2004). Osnovnye ponyatiya kontseptsii P'era Burd'e.1.2. Ponyatie «gabitus» (habitus). Al'manakh «Vostok», Vypusk №11(23), noyabr', 2004. URL 27.05.2016: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm.

Information about the author:

Vassili V. Bouilov (Helsinki, Finland), Doctor of Philosophy (FT/PhD)

Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies, P.O. Box 111, 80101 Joensuu, FINLAND.

Office: Agora 260, E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

Home and personal post address:

Vassili Bouilov, Eerikinkatu 23 A11, 00180 Helsinki, Finland

The GLEDID Member Consultant, Expert and Official Representative in Finland of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes and of its Scientific and Advisory Council (GLEDID/ ГЛЭДИС, A Russian and International NGO/non-governmental non-profit organization, Moscow, Russian Federation).

Published scientific works – more than 50 (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, specialization in different aspects of Andrei Platonov's Idiostyle, Ontology and other writer's Creative Activities, i.e. Platonovovedenie).

Acknowledgements:

I want to express my gratitude to the Library of the University of Eastern Finland (Finland) for providing the opportunity to use its electronic materials!

My sincere gratitude also goes to my American colleague Professor Carl Wieck from the University of Tampere (Finland), where I worked before, for his language consulting my work in the English part of it!

Я хочу выразить благодарность Библиотеке Университета Восточной Финляндии (Финляндия) за предоставление возможности пользоваться ее электронными материалами! Моя искренняя благодарность также профессору Карлу Уику, моему американскому коллеге по Университету Тампере (Финляндия), где я работал раньше, за его языковое консультирование моей работы в ее англоязычной части!

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*